

Н.Г. Янова, В.М. Климашин

Ментальные модели репрезентации риска и безопасности в массовом сознании

N.G. Yanova, V.M. Klimashin

Mental Models in Ideas of Risk and Security in the Mass Consciousness

Представлен семантико-когнитивный подход к исследованию ментальной репрезентации на примере понятий «риска» и «безопасности» как категорий научного и обыденного сознания.

Ключевые слова: ментальная репрезентация, концепт, психометрика, социальный риск и психологическая безопасность, значение и смысл.

The article presents a semantic-cognitive approach to the study of mental notion on the example of the definitions «risk» and «security» in both categories of scientific and ordinary consciousness.

Key words: mental representation, concept, psychometrics, social risk and security, psychological safety, significance and denotation.

Методология постановки проблемы. Методологический анализ «феноменологии риска и безопасности» [1, с. 105], как правило, носит характер междисциплинарного формата, но реализуется в исследованиях общенаучной парадигмы субъектного подхода, который позволяет осмыслить понимание данных феноменов как важнейших составляющих психологии субъектного мира.

Постановка предмета исследования в русле когнитивной психолингвистики не является научной традицией в изучении феноменологии риска и рискогенного поведения в массовом сознании. Между тем анкетный способ изучения социальных представлений не может претендовать на экспликацию скрытых ментальных установок. Внешняя атрибутика фиксации общественного мнения способна отразить не более чем поверхностный семантический слой значений, которые могут серьезно меняться и деформироваться на глубинном смысловом слое своих концептов.

Попытки дифференцировать значение и смысл в исследованиях категоризации социального восприятия принадлежат парадигме ментальной репрезентации. Современный этап в научной атрибутике этого понятия как когнитивной, субъективной, субъективно-смысловой репрезентации связан с развитием понимания его содержания со способа отражения на способы кодирования и переработки информации, что отводит в его операционализации ключевую роль процессам перцепции, мышления и памяти. Так, в исследованиях категоризации модель ментальной репрезентации задается посредством структурных единиц и операций над ними, которые одновременно с этим «являются единицами описания, относящимися к самой модели репрезентации» [2, с. 29].

К теориям, использующим такой «двойной» формат репрезентации, относят теорию И. Тульвинга эпизодической и семантической памяти, дихотомию П. Графа эксплицитной/имплицитной памяти, модель образной и вербальной репрезентации Ст. М. Косслина, идею А. Пайвио двойного кодирования (вербального и невербального) в качестве принципа функционирования и организации психики.

Развитие понимания ментальной репрезентации как «одной из форм организации ментального опыта» [3, с. 42], заключающегося в ментальном видении субъектом происходящего (того, как он воспринимает, понимает и объясняет происходящее), стремится к более точным его определениям в психосемантике и когнитивной психолингвистике. И в том, и другом случае в качестве ментальных структур, организующих ментальный опыт, исследуются семантические структуры.

В экспериментальной и субъективной психосемантике накоплен грандиозный эмпирический материал, иллюстрирующий психологию восприятия различных модальностей организации семантического кода (словесно-речевой, визуально-пространственной, чувственно-сенсорной). Однако такая «реконструкция индивидуальных систем значений» [4, с. 40] репрезентации субъективного опыта не позволяет выйти за границы так называемых «признаковых» моделей ментальной репрезентации, так как сосредоточена на описательной функции содержания индивидуального сознания на уровне значения, которое Л. Выготский называл лишь совокупностью признаков, служащих для классификации и упорядочивания объектов. Тезис о том, что образ предмета – это всегда образ отношения к нему, фиксирующий ценностно-мотивационный аттитюд как установку потенциального действия,

в большей степени остался мощным конструктивным аксиоматическим принципом психологической теории, чем явным доказательством измерения границы между значением и смыслом.

Попыткой снять и разрешить оппозицию структуре знака на уровне противопоставления языковому характеру значения невербальной природы смысла стало изучение психологии концепта в когнитивной психолингвистике. Заявка новой парадигмы состояла не в очередном рефрене тезису Дж. Брунера о том, что концептуальная система одновременно является репрезентирующей. Популярная цитата Р. Джекендоффа «люди обладают тем, о чем они могут говорить (things to talk about) только благодаря тому, что это (информация об этом) уже было ранее репрезентировано ментально» [5, с. 8] далеко не новая в истории когнитивной традиции, но глубокая для осознания такого ключевого понятия когнитивной психолингвистики, как концепт.

Как известно, концепты как ядерные характеристики ментального кода человека проявляются в виде гештальтных единиц, не структурированных до своей вербализации. Именно этот факт является следствием их «существования» в виде ментальных репрезентаций. Поэтому категория ментальной репрезентации в работах когнитивно-лингвистической ориентации (Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, А.А. Залевской, В.В. Краснова, М.В. Пименовой) раскрывается через концептуальную систему, которая «предсуществует» не только языковой, а любой форме высказывания о мире.

Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. Знания представлены в сознании концептами, а в качестве кодирующей концепт образной единицы выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Чувственная сторона концепта кодирует его рациональное содержание, что обеспечивает его функционирование как мыслительной единицы. В ментальном процессе человек оперирует образами, которые несут «прикрепленные» к ним «рациональные» знания в виде информации полимодального характера. Незнание рационального логического содержания концепта в поисках смысла часто компенсируется попыткой опоры на образное ядро концепта. Психологическая этимология концепта как нейropsychологического субстрата была разработана Н.И. Жинкиным в его теории «универсального предметного кода (УПК)» [6, с. 146]. Согласно такому подходу мышление по сути есть процесс оперирования концептами.

Таким образом, концепты как единицы концептосферы и сознания человека имеют глубокую психологическую природу. Концептосфера структурно глубже семантической сферы, представленной значениями слов языка. Реальность существования концептосфе-

ры указывает на реальность мышления, не опирающегося на слова. Языковая репрезентация концептов связана только с функцией и природой общения. Мышление по сути невербально, язык служит не для осуществления мысли, а для ее выражения в форме результата мыслительного процесса. Мысль, действительно, выражается и совершается в слове. При этом языковой знак не просто объективизирует концепт (делая доступным его информационное содержание), он актуализирует его семантику в соответствии с ситуацией. Поэтому концептосферу обычно понимают как «область мыслительных образов – единиц УПК, своего рода информационную базу сознания и мышления» [7, с. 63]. То, что сознание имеет языковую манифестацию, но не языковую природу, обуславливает отсутствие тождества между восприятием и пониманием.

Таким образом, *чтобы исследовать ментальную репрезентацию, надо исследовать не значения слов (образов, знаков), через которые атрибутируется воспринимаемый объект, а концепт слова как смысловую модель его репрезентации.*

Роль психолингвистической техники в данном случае заключается в том, что, в отличие от лингвистов, которых интересует вся совокупность языковых и даже неязыковых средств, прямо или косвенно уточняющих и развивающих содержание концепта (его номинативное поле), психологов будет интересовать потенциально актуальная семантика поля концепта, точно соответствующая ситуации и мотиву его актуализации. Только так может быть раскрыт личностный смысл. Оппозиция «значение – смысл» раскрывается через разницу семантического (значенческого) и концептуального (смыслового) расстояния. Для психолога ни описание, ни полное выражение концепта не выступают самоцелью. Психологический анализ концепта (когнитивный психолингвистический анализ) – это анализ мотивационной структуры номинативного поля концепта, включающий семантику потребности и мотива личности как его носителя в актуальной ситуации.

Авторская концепция и экспериментальный план. В данной работе представлена попытка *построения психолингвистической модели оценки концепта, позволяющая психометрически определить различия его семантического поля на уровне системы значений и смыслов.* Постановка и решение этой задачи реализуется на примере исследования социальных рисков и безопасности как актуальной междисциплинарной проблеме для социологии риска и психологии безопасности.

Целью работы стало сравнение социально-феноменологической модели риска современного научного знания с обыденными концептами восприятия социального риска в общественном сознании в условиях кризиса.

Задачи исследования касались анализа семантической трансформации концептов «риск» и «безопасность» в структуре индивидуальных и социальных рисков для условий кризиса и модернизации, а также оценки пороговой нормы рискогенности в массовом сознании на примере отдельных социальных групп.

В рамках статьи в качестве примера обсуждается критерий выборки с разными возможностями «социального лифта», который был представлен контрастными группами высокой и низкой социальной страты (объективные параметры выборки – доход и социальное положение, субъективный – идентификация по критерию «малообеспеченный низкий / средний класс и высокообеспеченный средний / высокий класс»).

Критерии формирования выборки основаны на рабочих гипотезах:

1. Поляризация общества по степени материального благополучия и социальных возможностей формирует разные установки и пороговый уровень восприятия риска и безопасности у населения. Определение ментальной «зоны нормы» и «безопасности» в группах социального благополучия/неблагополучия носит дифференцированный, а не унифицированный характер.

2. Смещение и инверсия «нормы» в представлениях о риске и безопасности является демаркацией установок маргинальных групп.

Методы исследования включали семантический анализ исследования категоризации и измерения аттитюдов, психолингвистические методы анализа концепта, анализ вторичных источников эмпирических данных.

Наиболее значимыми вторичными данными стали исследования по концептуализации понятий, близких к концептам безопасности и риска в лингвистике, а также исследования по социологии риска и психологии безопасности, связанные с оценкой социальных рисков и угроз в массовом сознании.

Источником по развитию темы концептуализации семантики риска и безопасности стала одна из известных работ А. Вежбицкой [8] по оценке когнитивных сценариев рискогенности для *страха, тревоги и опасности*. Лингвистически показано, что представление рисков в сознании возможно через связь их вероятностной и качественной оценки и через отношение риска и безопасности как понимания и переживания неопределенности.

Психометрические исследования субъективно-го восприятия риска (П. Словик, С. Лихтенштейн, Б. Фишхофф) обозначили набор факторов, входящих в субъективную оценку риска. Субъективно «ощущаемый» (perceived) риск [9, с. 529] объединил две группы факторов. Одна группа факторов показывает уровень понимания и осознания риска людьми. Другая группа факторов отражает степень страха, вызываемого риском, и связана с уровнем неконтролируемости,

серьезностью последствий и будущей перспективой. Доказано, что чем выше оценка опасности, тем выше оценка риска.

Следовательно, измеритель субъективной оценки риска включает как его когнитивную оценку (степень и характер информированности), так и эмоциональную (степень личной и коллективной угрозы на уровне тревоги, страха и опасности как эмоциональных переживаний). В этом смысле не случайно большинство определений и концепций социального риска раскрываются через понятия социальной и психологической безопасности.

Измеряя мотивационную напряженность населения по конкретным группам рисков, можно анализировать стереотипы социальных и индивидуальных рисков и степень их угрозы социальной и личной безопасности. В случае закрепления аффективной оценки на уровне стереотипа вряд ли самые точные экспертные оценки того или иного риска смогут изменить мнения людей. Поэтому исследование мотивов в оценке факторов рискогенности должно стать приоритетом психотехнических моделей оценки риска и безопасности.

В проектировании параметрической модели риска высокую значимость сыграли проекты ЦИРКОН: «Восприятие социальных рисков и угроз населением стран СНГ» (ВСС) Международного агентства «Евразийский монитор» в 2006 г. и «Катастрофическое сознание в современном мире» (КССМ) ИС РАН и Мичиганского государственного университета США в 1996–1999 гг. Наиболее устойчивые риски по оценке динамики массового сознания россиян включены в параметрическую модель рискогенности 2010.

Таблица 1
Рейтинг рисков и угроз по проектам КССМ и ВСС

Риски	1996	1999	2006
Безработица и обнищание населения	5	1	1
Криминализация общества	5	3	2
Распространение терроризма	8	7	3
Экологические катастрофы	1	5	4
Коррупция и беззаконие	2	2	5
Массовые эпидемии	4	4	6
Природные катаклизмы	11	11	7
Международные войны	7	9	6
Ядерная война	9	6	9

Модель экспериментального плана выполнена в соответствии с техникой **метода семантического анализа** [10], включая релятивистскую шкалу измерения аттитюдов и квантовую модель построения категоризации.

Разработанный метод математически является альтернативой статистическому подходу к измерению установок. Новым шагом считается решение вопроса

метрики построения семантического пространства с возможностью построения мотивационных (целевых) векторов [12]. Психотехника *семантического анализа* позволяет оценивать ротацию категориальной структуры по заданным условиям и трансформацию категорий восприятия по наиболее вероятным моделям их оценки в массовом сознании. В данной статье приводится анализ *наиболее вероятной модели* оценки риска (по оценке средних вероятностей для состояний).

Тестирование включало четыре группы мотивов для оценки рисков (табл. 2).

Таблица 2

Измерители условий/мотивов

Показатели	Индикаторы
Социальные риски	В ближайшем будущем наше общество ожидает ...
Индивидуальные риски	Лично меня, скорее всего, коснется ...
Риски в условиях модернизации	В условиях модернизации страны риски – это ...
Риски в условиях кризиса	Риски в условиях кризиса – это ...

В исследовании использовались два типа шкал-измерителей (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Когнитивные измерители (примеры)

Показатели	Индикаторы
Информированность	Больше всего я владею информацией о развитии в нашем обществе такого явления, как ...
Негативные последствия	По негативным последствиям наиболее опасны ...
Прогноз	В ближайшем будущем общество ожидает ... Будущие поколения, скорее всего, будут подвержены влиянию ...
Неконтролируемость	В нашем обществе тяжелее всего контролировать и предотвратить ...
Актуальность	В большей степени в нашем обществе присутствует ...
Кризис	Риски в условиях кризиса – это ...
Модернизация	Риски в условиях модернизации – это ...
Идентификация	Лично меня, скорее всего, коснется ...

Таблица 4

Эмоциональные измерители (примеры)

Показатели	Индикаторы
Нормальное самочувствие	Это нормально, когда в обществе есть ...
Страх	Больше всего я боюсь ...
Тревога	Я тревожусь, когда сталкиваюсь с ...
Опасность	Угрозу для общества больше всего представляет ...
Вероятность оценки (психологическая безопасность)	Я не уверен, что смогу пережить и перенести ...
Вероятность оценки (социальная безопасность)	Я не уверен, что наша страна справится с ...

Список тестирования составили 40 индикаторов рискогенности/безопасности по зонам проявления риска, включая различные типы девиаций и трансформации идентичности.

Выводы по межгрупповым сравнениям. В группах с разным уровнем социально-экономического благополучия ментальные установки риска и безопасности имеют *сходные семантические связи, но разные концептуальные*, что выражается различиями на уровне значения и смысла исследуемых категорий в быденном сознании. На уровне значений можно констатировать *восприятие рисков* через оценку степени их идентификации с кризисом и модернизацией, личным и общественным риском, субъективной оценкой тяжести последствий, временной перспективой ближайшего и далекого будущего, представлениями о допустимой пороговой норме рисков в общественном сознании.

Восприятие безопасности указывает на общую молярную единицу значения – страх. Концептуально за риском стоит система представлений, за безопасностью – переживаний. Если концептуализация риска включает его когнитивные атрибуты (*идентификация, длительность, норма, последствия и прогноз*), то концепт безопасности прямо указывает на психическое состояние переживания опасности и угрозы (*больше всего я боюсь..., я не уверен, что могу пережить..., мне угрожает...*).

Таблица 5

Группа социального благополучия – КСС₁ «РИСКИ и БЕЗОПАСНОСТЬ»

Свойства	G1	G2	G3	G4	G5
В ближайшем будущем наше общество ожидает ...	-0,05	-0,42	0,65	0,08	0,12
Лично меня, скорее всего, коснется ...	0,02	-0,06	0,68	-0,19	0,26
В условиях модернизации страны риски – это ...	0,74	-0,01	0,15	0,25	0,10
Риски в условиях кризиса – это ...	0,68	0,23	-0,03	0,01	0,20
Больше всего я владею информацией о развитии ...	0,33	0,57	0,38	-0,03	0,14
По негативным последствиям наиболее опасны ...	-0,24	0,23	0,04	0,62	-0,42

Окончание таблицы 5

Свойства	G1	G2	G3	G4	G5
Будущие поколения будут подвержены ...	0,27	0,13	0,04	0,22	0,71
В нашем обществе тяжелее всего контролировать ...	-0,02	0,26	0,59	0,18	0,45
В большей степени в нашем обществе присутствует ...	0,34	0,29	0,70	0,16	-0,23
Это нормально, когда в обществе есть ...	0,35	-0,12	0,24	0,00	0,67
Больше всего я боюсь ...	0,12	0,85	-0,07	0,05	-0,13
Я тревожусь, когда сталкиваюсь с ...	0,27	-0,11	0,15	0,70	-0,01
Угрозу для общества больше всего представляет ...	0,26	0,21	-0,22	0,30	-0,58
Я не уверен, что смогу пережить и перенести ...	-0,30	0,51	-0,11	0,53	0,09
Я не уверен, что наша страна справится с ...	0,30	0,04	-0,09	0,76	0,26
Значимость, объясняемая категорией	1,82	1,82	2,06	2,04	1,96
	риск	безопасность	прогноз	последствия	норма

Таблица 6

Группа социального неблагополучия – КСС₂ «РИСКИ и БЕЗОПАСНОСТЬ»

Свойства	G1	G2	G3	G4	G5
В ближайшем будущем наше общество ожидает ...	0,28	0,01	-0,03	0,04	0,54
Лично меня, скорее всего, коснется ...	0,51	-0,15	-0,08	-0,44	0,49
В условиях модернизации страны риски – это ...	0,72	0,12	0,03	-0,02	0,12
Риски в условиях кризиса – это ...	-0,26	-0,44	0,54	-0,31	0,29
Больше всего я владею информацией о развитии ...	0,15	0,21	0,69	0,23	0,30
По негативным последствиям наиболее опасны ...	0,16	0,07	0,77	0,04	-0,36
Будущие поколения будут подвержены ...	0,28	-0,11	0,21	0,67	0,36
В нашем обществе тяжелее всего контролировать ...	0,08	-0,05	0,70	-0,14	0,00
В большей степени в нашем обществе присутствует ...	-0,11	0,04	0,03	0,06	0,77
Это нормально, когда в обществе есть ...	0,31	-0,74	-0,33	0,04	0,19
Больше всего я боюсь ...	0,23	-0,11	0,24	-0,81	0,05
Я тревожусь, когда сталкиваюсь с ...	0,07	-0,78	-0,01	-0,20	-0,04
Угрозу для общества больше всего представляет ...	0,69	-0,14	0,28	0,35	-0,06
Я не уверен, что смогу пережить и перенести ...	0,79	-0,21	0,11	-0,19	0,03
Я не уверен, что наша страна справится с ...	-0,06	-0,86	0,11	0,14	-0,12
Значимость, объясняемая категорией	2,33	2,26	2,17	1,69	1,62
	риск модерн.	норма	риск кризиса	последствия	прогноз

Фактор риска в благополучной страте отождествляет кризис и модернизацию, процесс модернизации для «богатых» не просто риск, а риск в условиях кризиса. Риск «для богатых» читается как «модернизация и кризис, характерные для страны, которые страна может и не перенести, но сам я справлюсь». Маркерами кризиса модернизации в группе выступают такие социальные риски, как *коррупция, классовая поляризация, депрессии, хулиганство и насилие и даже беременность*. Для социально неблагополучной стратегии модернизация также ассоциируется с риском, но не с кризисом. Риск «для бедных» читается как «модернизация, которая коснется лично меня, которую я не уверен, что смогу перенести, которая представляет

угрозу для общества». Рисками модернизации в этой группе являются *эпидемии, преступность, беременность, алкоголизм, низкая заработная плата, потеря уважения в обществе*. Интересно, что *беременность* подсознательно признается риском для обеих групп, что подтверждает адекватность курса социальной политики государства на поддержку рождаемости в стране.

Переход от семантических пространств к мотивационным позволил исследовать не только семантические расстояния между значениями, но и концептуальные. Это позволило определить *риски кризиса*, обладающие высоким уровнем «рискогенности» и низким уровнем «безопасности».

Для меня	Coords	Alpha
Риск	0,27	0,74
Безопасность	0,59	0,96
Прогноз	0,51	0,95
Последствия	0,45	0,84
Норма	0,22	0,71

Для общества	Coords	Alpha
Риск	0,24	0,78
Безопасность	0,29	0,81
Прогноз	0,08	0,31
Последствия	0,83	1,00
Норма	-0,40	0,98

Кризис	Coords	Alpha
Риск	0,59	1,00
Безопасность	0,14	0,47
Прогноз	0,21	0,73
Последствия	0,75	1,00
Норма	-0,09	0,44

Модернизация	Coords	Alpha
Риск	0,95	1,00
Безопасность	0,03	0,10
Прогноз	0,12	0,40
Последствия	-0,30	0,70
Норма	-0,06	0,26

Рис. 1. КСС/мотивы: группа «Социальное благополучие»

Для меня	Coords	Alpha
Риск модернизации	0,07	1,00
Норма	-0,39	0,75
Риск кризиса	0,76	1,00
Последствия/безопасность	-0,46	0,94
Норма	-0,09	0,62

Для общества	Coords	Alpha
Риск модернизации	0,32	0,71
Норма	-0,68	0,99
Риск кризиса	0,62	1,00
Последствия/безопасность	0,16	0,65
Норма	-0,15	0,59

Кризис	Coords	Alpha
Риск модернизации	-0,58	0,91
Норма	0,41	0,81
Риск кризиса	0,56	0,99
Последствия/безопасность	-0,23	0,70
Норма	0,36	0,85

Модернизация	Coords	Alpha
Риск модернизации	0,26	0,42
Норма	-0,51	0,83
Риск кризиса	0,46	0,92
Последствия/безопасность	-0,07	0,22
Норма	0,52	0,91

Рис. 2. КСС/мотивы: группа «Социальное неблагополучие»

К таким рискам группа 1 (рис. 1) относит риски модернизации и кризиса по оценке их негативных последствий для общества и себя лично. Данная модель восприятия риска известна в литературе как *вероятностная*, поскольку риск соотносится с вероятностью своих последствий.

Группа 2 (рис. 2) кризисы риска воспринимает через соотнесение их с порогом нормы в массовом сознании, психологически убеждая себя, что смещение нормы для рисков кризиса – это нормально. Такая модель известна как модель *смещения нормативного порога*. При этом присутствует установка, согласно которой «смещение нормы может стать риском, но

не для меня, а последующих поколений». Психологическая проблема заключается в том, что оценка риска кризиса и собственного личного риска осуществляется по разным основаниям в обеих группах.

Риски кризиса имеют когнитивную основу и раскрываются через фактор прогноза в первой группе и фактор оценки последствий во второй группе. Природа же индивидуального риска имеет достоверную связь с фактором психологической безопасности в обеих группах, раскрывая *эмоциональное переживание риска индивидуального*.

Корреляций между выявленными факторами КСС, в отличие от прямых рейтингов, между группами нет.

Variable	Correlations (Spreadsheet10 in Workbook6) Marked correlations are significant at $p < ,05000$ N=36 (Casewise deletion of missing data)							
	для меня1	для общества1	кризис1	модернизация1	для меня2	кризис2	модерзация2	для общества2
для меня1	1,00	0,13	0,58	0,32	0,62	0,18	0,45	0,41
для общества1	0,13	1,00	0,46	-0,08	0,36	0,56	0,04	0,28
кризис1	0,58	0,46	1,00	0,39	0,58	0,30	0,50	0,48
модернизация1	0,32	-0,08	0,39	1,00	0,18	0,08	0,55	0,23
для меня2	0,62	0,36	0,58	0,18	1,00	0,35	0,52	0,50
кризис2	0,18	0,56	0,30	0,08	0,35	1,00	0,04	0,20
модерзация2	0,45	0,04	0,50	0,55	0,52	0,04	1,00	0,50
для общества2	0,41	0,28	0,48	0,23	0,50	0,20	0,50	1,00

Рис. 3. Межгрупповые корреляции между рейтингами

Variable	Correlations (Spreadsheet5 in категории) Marked correlations are significant at $p < ,05000$ N=36 (Casewise deletion of missing data)				
	риск модернизации2	норма 2	риск кризиса2	последствия2	прогноз2
риск 1	-0,05	0,01	-0,11	0,11	0,14
безопасность 1	-0,17	0,13	-0,25	0,22	0,07
прогноз1	0,28	0,05	-0,08	-0,14	0,13
последствия1	-0,05	0,13	-0,16	0,10	0,08
норма 1	-0,01	-0,17	-0,01	-0,17	0,06

Рис. 4. Межгрупповые корреляции между КСС

Результат межгрупповых сравнений рейтингов и КСС говорит о том, что, формально находясь в одной и той же действительности, отражение ее происходит по-разному. Группы «узнают» для себя отдельные риски одинаково, но понимают совсем по-разному. Отсюда вербальное согласие в значениях и концептуальная разница в смыслах.

Так, в обеих выборках *генеральный фактор семантического пространства представлен категорией «риск»*. Но концепт слова «риск» в группах разный, на это указывают его разные бинарные составляющие как знака. В группе 1 – это оппозиция «*риск-безопасность*», в группе 2 – «*риск-норма*». Граница термина указывает на различия в его понимании.

В группе социально благополучной выборки оппозицией риску служит **психологическая безопасность** (G21), которая понимается в противоположность «*информации об опасности, которую боюсь, что не смогу пережить и перенести*». В группе 2 понятие риск уточняется через понятие «**норма**» (G22), которая концептуально читается как «*тревога и неуверенность в завтрашнем дне в условиях кризиса*». Для неблагополучного социального слоя «*тревожиться и бояться, пока есть кризис*», является уже нормативным психическим состоянием. С позиции социального анализа данный факт можно признать скорее аномальным, чем нормативным.

Концепт «нормы» для социально благополучной группы определяется (G51): «*это нормально, когда в обществе присутствуют и будут присутствовать*

риски, не представляющие для него угрозы». К таким рискам группа относит *роды, содержание детей, миграцию и эмиграцию и даже рак*.

Отсюда понятнее становится статистическое обоснование нормы и популярность термина «информационно-психологическая безопасность». Чем больше знания и статистики наблюдаемого поведения, тем выше уровень безопасности. Границы понимания нормы – границы ощущения безопасности. В этом смысле становится понятной разница в словах «социальный риск» и «социальная безопасность» в массовом сознании. Конструкт «опасность» с конкретным когнитивным наполнением воспринимается как риск, так как концептуально фиксирует операциональную установку «что делать». Неопределенное содержание конструкта «опасность» в схеме категоризации (или его фиксация в форме когнитивной лакуны) задает оппозицию термина «психологическая безопасность» для массового сознания. Оценка степени неопределенности ситуации, по сути, градуирует шкалу «опасный – безопасный». В результате получаем определение *риска как продукта знания о будущем и его перспективах, а психологической небезопасности – как тревожного состояния неопределенности и меры незнания*, что полностью соответствует определению риска через оценку последствий у Ю. Хабермаса и безопасности через неопределенность у Э. Гидденса.

Также смысловые различия в концептуализации риска выявлены по факторам «**прогноз**» и «**последствия**» социальных рисков. Ситуация ближайшего

будущего для обеих групп – это «*ситуация настоящего, которая будет актуальна и для меня, и для общества*». При этом для группы 1 негативные последствия рисков атрибутированы тревогой настоящего, перерастающей в опасность индивидуального и социального риска в будущем. Для группы 2 последствия рисков переадресуются будущим поколениям с мотивом «*я этого не боюсь, так меня это не коснется*». Таким образом, если для группы 1 была свойственна позиция морального цинизма в категории G1 (*страна не переживет, а я справлюсь*), то для группы 2 – позиция моральной безответственности в G4 (*риски, при которых «не придется жить ни тебе и ни мне»*). К такой долгосрочной перспективе опасных рисков «бедные»

относят прежде всего классовую поляризацию и моральную панику.

В отличие от «бедных», риски **модернизации/кризиса** пока не являются фактором индивидуального риска в группе «богатых». Индивидуальный риск в этой группе связан с потерей безопасности в ближайшей временной перспективе. Результат кризиса *модернизации для богатых* – коррупция и классовая поляризация. Итог *модернизации для бедных* – эпидемии, преступность, алкоголизм, низкая заработная плата, потеря уважения в обществе. Достоверным различием (по критерию Стьюдента) в статистическом подходе стал бы просто факт большей выраженности некоторых рисков для группы 2 (табл. 7).

Таблица 7

Достоверность различий оценки рисков между группами

Социальные риски	Mean 1	Mean 2	t-value	df	p
Безработица	-0,06	0,08	-2,01	28	0,05
Низкие пенсии	0,12	0,10	-2,67	28	0,01
Потеря кормильца	-0,10	0,16	-3,26	28	0,00
Алкоголизм	-0,006	0,12	-1,39	28	0,07
Табакокурение	-0,17	0,16	-4,59	28	0,00
Эпидемии	-0,95	0,11	-2,36	28	0,02
Депрессии	0,15	-0,11	3,25	28	0,00
Психические заболевания	0,13	-0,20	4,85	28	0,00
Духовная деградация	-0,14	0,01	-2,54	28	0,01
Насилие	0,12	-0,09	2,62	28	0,01

Таким образом, междисциплинарная постановка проблемы и интеграция методов позволили раскрыть дополнительные возможности исследования феномена ментальной репрезентации в русле когнитивной

психолингвистики и показать преимущества новой психотехники семантического анализа для изучения социальных представлений и измерения установок общественного сознания.

Библиографический список

1. Молчанов А.В. Социальная феноменология риска: риск как социальный конструкт // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2007. – №4(58).
2. Ребеко Т.А. Перцептивные инварианты и их участие в задаче категоризации // Психологический журнал. – 1998. – №1.
3. Ментальная репрезентация: динамика и структура / А.Л. Брушлинский, Е.А. Сергиенко. – М., 1998.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – 3-е изд. – М., 2010.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4.
6. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Язык, Речь. Творчество. – М., 1998.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.
8. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М., 2001.
9. Словик П., Фишхофф Б., Лихтенштейн С. Факты против страха: понимание воспринимаемого риска // Принятие решений в неопределенности / под ред. Д. Канемана, П. Словика и А. Тверски. – Харьков, 2005.
10. Супрун А.П., Янова Н.Г., Носов К.А. Метапсихология. Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности. – М., 2009.
11. Супрун А.П., Янова Н.Г. Теория и методы формализации семантического построения мотивационного пространства // Вестник алтайской науки. Серия: Психология. – 2004. – №3.